

Пова. Персональный ад для Врекеров.

Позиции были заняты, линии фронта проведены; так или иначе, это был конец пути для автоботских командос и их заклятых врагов, Эскадрона X.

Когда Импактор обратился к своей закаленной в боях команде, в его голосе без сомнения сквозил фатализм. «Все кончено, финиш, — произнес он сухо. — Эскадрон X — это зло, простое и понятное, и нам выпало положить конец их царству террора.»

Спрингер указал на силуэт, обезобразивший луну. «Это они,» сказал он мрачно. «Они починили Бледное Пламя.» Грозный десептиконский космический корабль висел в воздухе подобно какой-нибудь хищной птице, ожидающей нужного момента для удара.

«Взгляни правде в лицо, Импактор, — сказали Рэк н' Руин разом. — Нам такое не по зубам! Восьмеро нас против боевого крейсера? Надо отступить, пока у нас еще есть шанс.»

«В этом мы и отличаемся, — прорычал Импактор. — Потому что я лучше погибну в бою, чем буду жить, зная, что сбежал.»

Остальные поддержали его криками, выражая согласие.

«Тогда решено, — сказал Импактор торжественно. — И если это и вправду наша последняя битва, то я должен сказать кое-что. Правда в том, что я-»

Ферст Эйд прекратил читать, когда уловил, что кто-то приближается к

нему сзади. Он потянулся к клавиатуре, и 113-й даталог Физитрона — «Врекеры: Последний бой на Пове» — сменился изображением треснувшего локтевого сочленения. Ладно, пусть он все еще сидел перед экраном, в то время как должен был делать обход, вводить энергоновые стимуляторы и накладывать пропексовые повязки пациентам на нижнем этаже, но, по крайней мере, теперь он разглядывал что-то относительно медицинское, а не читал сводки Физитрона о том, как Импактор и его несгибаемые герои расправились с Эскадромом X раз и навсегда. Он постарался придать лицу сосредоточенное выражение, когда Фарма перешагнул порог.

— Так Физитрон теперь о врекерских локтях пишет, да? — произнес Начальник Медслужбы Делфи. — Давай, Ферст Эйд, ноги в руки. У тебя угасающий во Втором Ряду внизу.

Он почти соединил указательный и большой пальцы:

— Он вот на столько от полного отключения.

— Уже там.

Для Ферст Эйда жизнь в Делфи — военном госпитале на планете Мессатин на задворках Кибертронской галактической зоны боевых действий — была не прекращающимся процессом привыкания и начинаний. Он торчал здесь попеременно уже 10 лет, но до сих пор не мог назвать это место домом. Спускаясь на нижний этаж, он думал о Пове, и о пулях, и об окопах, и о стабилизаторах электроцепей. Безо всякого сомнения, он любил даталог 113. Как подписчику на «Врекеры: Рассекречено», 113-й был передан ему непосредственно в мозг в момент публикации, что позволяло моментально его усвоить. Но он часто читал его в более традиционной манере, смакуя содержимое.

И какое волнующее содержимое! Безрассудная игра Бродсайда с психовзрывчаткой; Рэк н' Руин, наконец рассказывающие Импактору начистоту о трагической природе своих предсказаний; Родбастер, сбивающий *Бледное Пламя* единственным выстрелом. Но лучше всего был момент, когда Спрингер и Импактор находились в окопе. Как Физитрон указывал в своих комментариях, их взаимная привязанность никогда не была более наглядной, более яркой, когда Спрингер просит — нет, *требует* — чтобы Импактор выстрелил в него, и тогда у них обоих появился бы шанс выжить.

Ферст Эйд мог похвастать своей собственной связью с Врекерами — ну или со Спрингером, во всяком случае. Пять лет назад лидер Врекеро-войска зажал его в углу на медицинской конференции на Кимии — космической станции, одновременно служащей исследовательским центром по вооружению.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал Спрингер, ухмыляясь своей фирменной ухмылкой.

Лучше, чем что либо другое, Ферст Эйд запомнил его конструкцию. С грудью, достаточно широкой, чтобы вместить десяток Матриц, и плечами, способными смутить Метроплекса, вся верхняя часть его корпуса была выразительным и наглядным свидетельством мощи неизмеримого объема.

Ферст Эйд задержал взгляд на пресловутой средней секции брони Спрингера (где не было ни шрама, ни какого-либо следа с Повы) перед тем, как ответить.

— Что я могу сделать для тебя? Привести в порядок твой обонятельный блок? Модифицировать стабилизаторы электроцепей? Может, твой центр тяжести доставляет неприятности. Он ведь немного смещен к плечам, верно?

— Мне нужна помощь другого рода. Я ищу *помощников*. Предприимчивого медика вроде тебя, который способен на большее.

На страшное мгновение Ферст Эйд подумал, что Спрингер хочет взять его во Врекеры. В панике его голосовые синтезаторы перестали слушаться, обрывая каждое предложение на первом слоге:

— Но... но... Я... я... как...

— Расслабься. Я не ищу новых рекрутов. Думаешь, я найду нового Родбастера среди всех этих Рэтчетов? Нет, я о том, чтобы быть глазами и ушами Врекеров.

Спрингер протянул ему металлический прямоугольник, на одной из сторон которого была выгравирована одна-единственная буква.

— Что значит «М»? — спросил Ферст Эйд.

— Ты держишь ее вверх ногами... Слушай, Ферст Эйд — тебя же так зовут, да? На обратной стороне этой карты моя личная позывная частота. Звякни мне как-нибудь, и поговорим поподробней.

Кажется, это целую было вечность назад.

Ферст Эйд добрался до палат и начал переходить от койки к койке, проверяя своих пациентов — все они были переведены в режим пониженной работоспособности с целью экономии энергии: все неприоритетные функции, включая отвечающие за движение и речь, были отключены до полного восстановления. Вынужденная тишина пугала его; иногда, против собственной воли, он воображал, что они кричат. Их рты были закрыты, конечности

неподвижны и оптика тускло блестела в бездействии, но внутри, мысленно, они кричали.

Он нашел угасающего и начал заменять износившиеся энергоновые трубки. Бедный Грейвер. Этот робот вряд ли дотянет до утра. Ферст Эйд коснулся его предплечья, движимый необходимостью физического контакта (он бы положил руку на лоб Грейвера, если бы у него был таковой, но выше шеи был лишь комок сожженного металла).

Он отправился взять еще трубок, зная, что освещение за его спиной погаснет, как только он выйдет в коридор — в конце концов, какой смысл в освещении, если у пациентов отключена оптика?

Двери палаты внезапно с шумом распахнулись, сбив его с ног. Он инстинктивно схватился за свой фотонный пистолет, но затем успокоился: это была чрезвычайная ситуация, а не вражеская атака. Четыре парамедика вкатили в палату мобильный ремонтный стол, пытаясь удержать от отключения стонущего и начинающего сереть робота. Он наблюдал за ними, пока они запускали Криогенную Восстановительную Камеру.

— Да не стой ты, Ферст Эйд! — прикрикнул главный парамедик, долговязый робот по имени Амбулон. — Передай мне те энергоновые повязки!

Ферст Эйд глянул вниз на корчащегося робота.

— Это... Это Шема?

— Да. Разведгруппа Догфайта нарвалась на DJD, когда они возвращались с Серпских Шахт.

Двери палаты распахнулись второй раз, и внутрь влетел Догфайт, а за ним Доджер и Бэкстрит. Он подозрительно просканировал ряды пациентов, словно ожидал, что под ремонтными столами сидят десептиконы.

— Где он?

— Ты ранен, — сказал Ферст Эйд, указывая на искры, стреляющие из плеча Догфайта. — Дай мне взглянуть.

— Это ерунда. Забудь... Эй! Ты что делаешь?

— Не обращай на меня внимания, — произнес Ферст Эйд, исследуя крылья на плечах Догфайта и проводя пальцами по двум автоботским символам. После беглого осмотра раны на плече (просто царапина) он перешел к Бэкстриту.

— Оставь меня в покое, док!

— Просто не обращай на него внимания, — бросил Амбулон, занятый помещением корпуса Шемы в КВ Камеру. — Он это со всеми делает. Это фишка у тебя такая, да, Ферст Эйд?

— Ага. Неважно. Просто проверяю, все ли у всех нормально. Черт, Бэкстрит, где твой... а! Вот он! — Ферст Эйд внимательно осмотрел автоботский знак на бедре Бэкстрита.

Доджер понял, что настала его очередь, и не протестовал.

— Я словил несколько выстрелов, — пожал он плечами, позволяя Ферст Эйду осмотреть свой корпус. — Тот парень выстрелил мне прямо...

— Сюда, — Ферст Эйд указал дрожащим пальцем на среднюю часть корпуса Доджера. — В твой знак.

Он потер символ большим пальцем.

— Ох. О да.

Доджер взглянул на Амбулона в поисках помощи.

— Это тоже его фишка?

— Не. Такого я раньше не видел.

Ферст Эйд поволок Доджера к лотку с хирургическими инструментами, затем отпустил озадаченного автобота и побежал к выходу.

— Никуда не уходи, Доджер! Я должен тебя прооперировать! Это великолепно!

Он взбежал вверх по лестнице к своему компьютерному терминалу и вбил код определенной частоты, второй раз в жизни. На экране появилось и ухмыльнулось лицо.

— Это я, — сказал Ферст Эйд. — И ты никогда не догадаешься, что у меня для тебя есть!

— Я знаю, об этом тяжело говорить, Флэттоп, но это действительно *хороший* знак. Это значит, что мы движемся вперед. Думай об этом, как о

положительном опыте. Сегодняшний день может стать переломным!

Ранг взглянул на своего пациента. Флэттоп сидел, скрестив ноги, под релаксационным столом, обняв собственные колени, и... это не было именно *хныканьем*, но определенно было к нему очень близко.

Разве не поразительно, что в наши дни способны вытворять вокалайзеры? Когда он только начинал работу психоаналитиком, его пациенты не только располагали куда более скудным ассортиментом программных расстройств, но и выражали их проще и словами. По мере того, как Кибертронская раса ассимилировала речевые шаблоны, свойственные органическим жизненным формам, и по мере того, как вокалайзер становился все более совершенным, «беспокойным» роботам стало проще выражать опасное состояние структуры их сознания не посредством разговора, а хныканьем, ворчанием, и да, всхлипыванием.

Но было бы нечестно винить высокотехнологичные вокалайзеры в том, что у него появлялись более интересные пациенты. Это, конечно, была вина войны: динамика непрекращающегося сражения не слишком хорошо влияла на психическое здоровье. Количество пациентов, жалующихся на мозговые дисфункции, возросли в тысячи раз с того судьбоносного полдня, когда снайперская пуля полностью опустошила голову Зета Прайма.

Ему на ум пришли некоторые недавние случаи: параноидальный кадет, который считал, что кто-то взломал его оптические сенсоры, чтобы он мог видеть только то, что «Они» хотели, чтобы он видел; еще обработчик данных, одержимый гештальтной технологией, который страдал от разновидности синдрома фантомной конечности и отказывался заходить внутрь помещения, так как был уверен, что он является правой ногой колоссального супер-воина. В последние месяцы он также диагностировал несколько случаев синдрома *primus apothosis*, который заставлял обычных роботов пытаться изображать Оптимуса Прайма, и лечил медика, которого уличили в одержимости исследованием автоботских знаков. (Сам медик отрицал, что занимался подобным.)

По сравнению с некоторыми из его пациентов Флэттоп не представлял сложной задачи. Ранг сначала решил, что имеет дело с маниакальной депрессией или преследуемым угрызениями совести солдатом. Хрестоматийный материал. Но все изменилось, когда Флэттоп признался, что был на Бабу Яр в день, когда пошел дождь.

— Мне так жаль, — произнес Ранг, и безупречный корпус Флэттопа получил новый, страшный смысл. — Я не мог и подумать, что ты был Выжившим.

Большинство Выживших, подобно Флэттопу, приняли предложение Высшего Командования о полной замене корпуса; некоторые шли еще дальше, переписывая свою память так, чтобы забыть, что произошло в день, когда они попали под дождь. Но были и те, кто из принципа отказывались принять новое тело или изменить воспоминания. Это они стояли на перекрестках улиц перед наспех сооруженными неоновыми знаками, гласившими «Я был на Бабу Яр.» Никаких доказательств не требовалось: достаточно было взглянуть, как свет проходит сквозь их издырявленные тела, словно вода сквозь решето.

Ранг присел, пытаясь установить зрительный контакт с ветераном Бабу Яр, который, пытаясь найти укрытие (пусть даже под релаксационным столом), очень подходил под указанный тип. И, тем не менее, Флэттоп был здесь не для того, чтобы поговорить о дне, когда он стал Выжившим: он пришел, чтобы обсудить кое-что еще, что-то, что случилось лишь несколько месяцев назад.

Ранг протянул Флэттопу руку.

— Расскажи мне, что ты видел, — мягко произнес он.

Флэттоп робко поднялся на ноги.

— Я был на Гидрасе-5, служил под руководством Силверстрика.

Ранг кивнул при упоминании самого древнего своего пациента.

— Мы расположились в горах, следя за несколькими `конами внизу. Это была обычная миссия. Ну, обычная для остальных.

— Это была твоя первая военная операция после... после дождя.

— Ага. Я нервничал, что недостаточно свыкся с новым... — он жестом указал на свое тело. — Все еще привыкал к нему. В общем, мы сидели на том выступе, и Силверстрик сказал мне проверить юго-западную командную высоту. Темнело, и я уже жалел, что полез сюда, и я посмотрел вверх и увидел. Прямо передо мной.

— Шиммер. На что он был похож?

— Он был... ну, как его и описывают. Зеленоватый свет, который просто висит в воздухе. Как будто призрачный, кажется. Я не очень-то хорошо умею объяснять.

Ранг помог Флэттопу улечься на релаксационном столе.

— Итак. Что ты затем сделал?

— Я... Меня замкнуло. Я вырубился. В смысле, я был в ужасе. Я слышал

все эти истории. Я знал, что Шиммер означает.

— Хм-м. Скажи мне, что, по-твоему, он означает?

— Смерть! Это значит, я умру!

Ранг подошел к своему столу и взял в руки модель Арка-1. Флэттоп был прав — в некотором смысле. Шиммер был частью современного фольклора. Согласно легенде, каждый, кто увидит его, обречен на смерть в ближайшее будущее. Будучи рационалистом в душе, Ранг считал Шиммера мифом; будучи психоаналитиком, он считал его подсознательной проекцией, проявлением страха смерти. Но солдаты были крайне суеверны, и роботы, подобные Флэттопу — несчастному, искалеченному Флэттопу — начинали воспринимать истории о так называемом Шиммере серьезно.

— Ты не умрешь, — сказал он, кладя на место Арк-1. — Я могу дать тебе два объяснения того, что ты видел, научное и психоаналитическое. Какое тебе больше нравится?

Флэттоп лежал, уставившись в потолок.

— Хорошо. Что ж, научное объяснение весьма незатейливо. Ты недостаточно долго был в своем новом теле. После трансплантации Искры требуется время на то, чтобы невральный процессор нашел свои направляющие. На перекалибровку всей сенсорной сети. Так что простейшее объяснение — ты пережил старые добрые зрительные галлюцинации.

Ранг принялся ходить вокруг своего стола, разговаривая с собственными руками.

— Ну а психоаналитическое объяснение? Ты страдал от посттравматического стрессового расстройства. Ты получил новый корпус, но Бабу Яр оставил след. Ты не ощущаешь, что действительно избежал смерти. — Он поднял взгляд. — Надеюсь, это тебя успокоит.

Он подошел к своему пациенту.

— Флэттоп? Все в порядке?

Он уже собирался помахать рукой перед лицом Флэттопа, когда осознал, что робот перед ним был мертв.

Айронфист оглядел Комнату 113, с ее белыми стенами и неприглядными поверхностями. Погребенная в глубине Кимии, она не могла бы быть более заурядной — вдали от первоклассных приключений его обожаемых Врекеров, битв на рушащихся звездных фрахтовщиках и схваток с Мучениками.

И тем не менее, когда он занял место перед Этическим Комитетом, он знал, что именно в таких невзрачных комнатах, как эта, ведутся важные битвы, жаркие дискуссии о пактах и договорах, санкциях и репарациях. Забудьте об огромных армиях вооруженных до зубов роботов, рвущих друг друга на куски, пока последний из них не падет от смертельных ран; война автоботов и десептиконов окончится лишь тогда, когда двое роботов сядут друг напротив друга в комнате, очень похожей на эту, забыв о цвете своих знаков, и начнут говорить.

— Благодарю за терпение, — произнес Ксаарон из-за стола в передней части комнаты. По бокам от него сидели Анимус и Трейлбрейкер. — Иногда Комитет может принять решение быстро, но в данном случае было необходимо изучить твое ходатайство с нескольких сторон. Я подведу итог по этому делу перед тем, как обнародовать вердикт Комитета.

Айронфист достал из отделения на поясе свой верный датачип. Черный прямоугольник металла с белым автоботским символом — он нуждался в нем только когда нервничал. Когда Ксаарон начал зачитывать подготовленные заранее заметки, он прокрутил датачип между пальцев и еще раз огляделся вокруг. По завершении работы Этического Комитета Комната 113, без сомнений, послужит местом для других заседаний бюрократов с безжизненными глазами и тысячами способов найти виноватого.

Стремление созывать комитеты было характерно после события, известного как Прорыв. После предательства в рядах автоботов Мегатрон получил коды доступа ко всем основным автоботским аванпостам. Эшелоны десептиконов атаковали по многочисленным фронтам, охваченные ужасающим желанием победы. Прайм, как всегда, переломил ход битвы, но армия автоботов, которой пришлось потом собирать себя по кускам, несомненно, больше не чувствовала себя столь уверенно, как прежде. Теперь любой необщительный солдат был потенциальным перебежчиком; за каждым, кто подавал голос, пристальной следили; вы задерживались в дверях, чтобы не столкнуться с болтливым соратником, затем лишь, чтобы потом тихо передать его имя Кому-то Выше. Отравленные молчаливым недоверием, и отчаянно нуждающиеся в идеологической определенности, в ясности целей, автоботы обращали взоры к командованию, ожидая, что оно установит какие-то основополагающие принципы поведения. И если это означало дополнительный контроль, дополнительные сдержки и проволочки, то так тому и быть.

Айронфист сосредоточился, когда Ксаарон поднял пулю.

— Твое заявление, Айронфист, было решающим при принятии Комитетом решения о том, санкционировать ли использование этих «цереб्रो-чувствительных пуль» в повсеместных боевых ситуациях.

Айронфист устал от стерильного языка, от уточнений и оговорок. Все теперь было тщательно обдуманно: тактические решения принимались только после стратегических собраний, длившихся месяцами, в то время как официальные заявления были двусмысленными и размытыми, лишь бы они не были потом подорваны непредвиденными событиями. Чем больше он думал об этом, тем больше сознавал, что жажда тотального учета появилась еще до Прорыва. Она началась в тот момент, когда над Бабу Яр прекратился дождь. То, что десептиконы Гидеона сотворили с автоботами Флейма, внушало ужас, но когда от него оправались, поднялся вопрос: чем же было то, что низверглось с яркого безоблачного неба и едва ли не разъяло автоботов под собой? Несколько дней спустя анонимный информатор сообщил Высшему Командованию о сходстве между «Гидеоновым клеем», как прозвали это едкое химическое оружие, и сверхтоксичным везикантом, якобы разработанным на Кимии. Праул отдал приказ о расследовании, и все оружейные инженеры Кимии, начиная с Брейнсторма, давали показания перед экспертной комиссией, отобранной Главным Судьей Тайрестом лично. Экспертной комиссией, возглавляемой Ультра Магнусом, и которая заседала как раз в этой комнате.

Для Айронфиста, который, как и прочие, отрицал любое участие в создании везиканта, расследование Магнуса оказалось тяжелым испытанием. И на всем его протяжении Скайфол служил ему неиссякаемым источником сил. Проверенный и надежный советчик, его лучший друг чувствовал всю глубину его страданий и организовал для него перевод подальше от Кимии, чтобы он мог начать новую жизнь где-нибудь еще. В итоге это не оказалось необходимым: Магнус заключил, что невозможно установить окончательную связь между бойней на Бабу Яр и каким-либо химическим оружием, разработанным на Кимии. Но семена подозрения нашли свою почву, и Этический Комитет теперь был лишь одним из различных контролируемых Брейнсторма и остальных

Ксаарон продолжил:

— Как Комитет понимает, эти пули, будучи выпущенными, демонстрируют нечто, описанное тобой как «головное смещение». Они отклоняются от естественной траектории к ближайшей... эм, ближайшей голове.

— Да, — сказал Айронфист, чувствуя, что от него ждут пояснения. — Каждая пуля оснащена простейшим бортовым компьютером, активизирующимся

при выстреле. Компьютер немедленно отслеживает невральный процессор цели.

— Скажи мне, Айронфист, — произнес Трейлбрейкер, держа пулю и медленно направляя ее к собственной голове. — Ты гордишься тем, что сделал?

Айронфист выронил датачип.

— Прошу прощения?

— Большинство оружия может ранить. Обезоружить. Остановить угрозу. Твое оружие убивает. Каждый раз. И мне интересно, может ли это, по твоему мнению, считаться успехом.

— Я... нет. Нет, я не горжусь. Сэр. Ни капли.

Айронфист давным-давно научился занимать позицию сознательного отказа от морали, когда дело касалось его изобретений: пусть другие решают, «правильно», или нет использовать их. Да, возможно, это была позиция труса, учитывая, что он знал, глубоко внутри — просто потому, что он создал это оружие, он негласно оправдывает его использование. Некоторые из его коллег говорили о «критических порогах» — моментах в исследовательском процессе, в которые ты можешь остановиться, отойти от верстака и сказать, «Мне не нравится, куда все это идет. Я прекращу работу. Я отведу взгляд.»

У Айронфиста так не получалось.

Для него не существовало переломной точки, момента осознания, когда бы он подумал «Стой — остановись сейчас, пока ты не зашел слишком далеко.»

Пока он был заинтересован, процесс открытия — До и После — не был столь прост. Джинн не вырывался готовеньким из наскоро откупоренной бутылки: он сбегал, медленно и тайком, из расширяющихся трещин в стекле.

— Вопрос Трейлбрейкера будет удален из протокола, — сказал Ксаарон. — Моральные проблемы, поднятые существованием этих пуль, решать Комитету, не тебе. — Он поднял руку, предупреждая возражения Трейлбрейкера. — И Комитет принял решение. Айронфист, пожалуйста, встань.

— Настоящий Комитет уполномочен защищать Раздел 19 Кодекса Автоботов, и в итоге мы обсудили, санкционировать ли использование данного вооружения. Мы решили, что использование cerebro-чувствительных пуль против вражеских боевых единиц едва ли только не в исключительных случаях не будет являться военным преступлением. Производство этих пуль впредь запрещается согласно Протоколу III Акта О Неконвенциональном Оружии. У тебя есть тридцать шесть часов, чтобы сдать пули, а также любой специально

приспособленный спусковой механизм.

Ксаарон и остальные вышли, оставив Айронфиста стоять, уставившись в пространство.

— Эй.

Айронфист вздрогнул, почувствовав руку на своем плече. Он повернулся и увидел Скайфол, смущенно поднявшего руки.

— Спокойно, приятель, это я. Как все прошло?

— Протокол III.

— О-оо, нет. Мне жаль. Кто возглавлял? Ксаарон? Ну, это все объясняет. Этот парень растерял мозги декады назад. Он старше большинства минеральных отложений.

Скайфол заметил улыбку за маской Айронфиста.

— Видишь, вот что делает тебя лучше меня, Физ. Если бы меня только что унизила кучка пацифистов — и я бы видел, как месяцы работы развеялись словно дым — я был бы чертовски зол.

Айронфист пожал плечами, вышел в коридор и закрыл за ними дверь.

— И именно Комната 113, — сказал Скайфол. — Я до сих пор вспоминаю Следствие. Сидеть там перед Магнусом, слушая Найтбита, рассуждающего о рисунках шрамов и капельных кратерах.

— Давай не будем об этом.

— Да, ты прав. Мне тогда досталось, но это ни в какое сравнение не идет с тем поджариванием, что устроили тебе. Я бы сломался. После трех дней допросов я бы сломался. — Скайфол направил Айронфиста к Внешним Комнатам, лабиринту из перезарядочных боксов рядом с ангарами для челноков, и единственному месту, где персонал Кимии мог отдохнуть от своих обязанностей и перехватить энергона или энгекса.

— Но ты, мой друг, ты из более прочного металла. Сильный и молчаливый тип... Прямо как Импактор, если позволишь так сказать.

— Прекрати, — широко улыбнулся Айронфист, не в силах сдержать всплеск в Искре.

— Ой-ой, а вот идет более мозговитый брат Перцептора по искре, — произнес Скайфол. — Привет, Брейнсторм. Не говори мне — Комната 113?

Выдающийся оружейный инженер Кимии поднял тонкий кейс, пристегнутый наручниками к его запястью.

— Как же ты догадался?

Брейнсторм был легендой среди инженерного сообщества Кимии, главным образом потому, что его оружие переходило все возможные границы. Как правило, какую бы экзотичную пушку не представили бы Айронфист, или Кроссхейрс, или Трипвайр, Брейнсторм не только разрабатывал ее доведенную до крайности версию, но и смотрел, как ее выбраковывает шокированный Этический Комитет, который находил это оружие столь морально предосудительным, что даже предположение об использовании его где либо, кроме самых экстремальных военных ситуаций (как угроза уничтожения Кибертрона, к примеру), было бы совершенно безнравственным. Брейнсторм довольно весело называл это оружие Запретным.

— Что в кейсе? — спросил Скайфол.

Брейнсторм заговорщицки наклонился вперед.

— Я называю это ЗПП. Злонамеренный Парадоксальный Патоген. Он основан на Принципе Неопределенности. Когда ты открываешь кейс, ты обнаруживаешь что-то, чего менее всего ожидаешь — и затем оно убивает тебя.

— Очень смешно, — сказал Айронфист. — Ты же шутишь, да?

Скайфол потащил его за руку.

— Пошли, Физ. Внешние Комнаты.

— Мне понадобится этот cerebro-пистолет обратно, Брейнсторм, — крикнул увлекаемый прочь Айронфист. — Не беспокойся о том, чтобы привести его в порядок. Я придумал, как исправить дефекты. Правда, теперь это уже не важно.

Небо над Гидрасом-5 без сомнений свихнулось. Подвергнутый воздействию разнообразного редкого и первосортного оружия, искалеченный небосвод страдал теперь чем-то вроде атмосферной панической атаки: горизонтальные дожди, клубы обжигающего пара, облака, схлопывающиеся сами в себя. И тому подобные штуки.

Это была вина десептиконов. И автоботов. Месяцами обе стороны с энтузиазмом сражались за землю внизу, бросаясь друг в друга всем, что имели. А теперь, когда битва была окончена, наступило время тихой самокритики, ожидания и уединенных размышлений.

— Ты только взгляни на это! — воскликнул Пайро, оглядывая пейзаж с вершины горы, созданной только этим утром Треморконами с помощью их тектонической пушки. Неподалеку тлели руины сметенного храма Гидраса. — Оглянись вокруг, Афтербернер! Что ты видишь? Свободу! Мир, освобожденный от десептиконской угрозы! То есть, да, планета понесла незначительный сопутствующий ущерб, но этого следует ожидать, когда идешь против группы проникновения в шаге от начала Фазы 4.

Он помедлил.

— Или это была Фаза 5? Мне сложно их отличить.

— Мы тяжело боролись и справились, — сказал Афтербернер. — И если позволишь так сказать, командир, я думаю, это ты решил исход дела. Один на один с Сейзором и все такое.

— О, не надо меня выделять, — Пайро выпятил грудь. — Какой момент тебе больше всего понравился?

— Точно то, когда ты мчался к бункеру Сейзора, и на пути у тебя Треморконы, — Афтербернер изобразил рассказываемое руками. — Ты протаранил Афтершока и Фрактура — бам! — и затем активировал бустеры под своей кабиной, чтобы трансформироваться — *в воздухе*.

— Да, ну, это достаточно известный маневр. Продолжай.

— После того, как ты уложил Тектоникса и остальных, ты нашел Сейзора в бункере. Думаю, ты чувствовал, что это будет твоя последняя битва, и хотел сказать что-то такое, чтобы отметить это. Должно быть, ты случайно включил внутреннюю связь, потому что мы все слышали, как ты сказал...

— Не важно! — сказал Пайро. — Давай дальше...

— Ты сказал — и я не думаю, что когда-нибудь забуду эту твердость в твоём голосе — ты сказал «Ты запоздал на встречу с моими кулаками, десептошлак!»

Пайро передернулся. Он продолжал работать над более запоминающейся фразой, что-нибудь, связанное с «выстоять» и/или «пасть».

— Ну ладно, — сказал Афтербернер, — я лучше пойду, посмотрю как там

остальные бойцы справляются. Собираешься произнести речь?

— Да. Только дай минуту, чтобы набросать кое-что.

Он проследил, как Афтербернер превратился в мотоцикл и помчался вниз по горному склону, затем начал прокручивать в голове лучшие речи Оптимуса Прайма. Он запустил в своей памяти поиск по таким ключевым словам, как «храбрость», «решимость» и «выносливость», и это напомнило ему, сколь много проблем можно решить, задав всего один вопрос — что бы сделал Прайм? — и еще: что бы он сказал при этом?

Вытащив сварную пушку из отсека в груди, размер которого он изменил так, чтобы было возможно разместить Матрицу (на всякий случай...), он побрел в руины храма и начал составлять кусочки речи. Его отвлекло странное чувство, словно что-то потерялось о его искру. На секунду он подумал, что сейчас переживет видение, что-то, что, кажется, всегда происходило с Праймом.

«Ну давай, — подумал он, собравшись с духом. — Чем драматичней, тем лучше.»

Он уловил движение на периферии поля зрения и повернулся, боясь того, что может увидеть. На полдороги ниже по склону раскаленный воздух мерцал бледно-зеленым; на полдороги ниже по склону был Шиммер.

Спрингер стоял в одиночестве на командной палубе Дебриса, рассыпающейся автоботской станции на орбите Кло, и смотрел на двенадцать имен на экране компьютера.

В правой руке он держал автоботскую пулю (в некотором роде), которая была выпущена десептиконом (в некотором роде). Пуля была, по сути, безобидной капсулой: внутри нее не было канала с горючим энергоном, только информационный чип, содержащий последнее сообщение от Агента 113, автобота, работающего под прикрытием в Десептиконской Службе Правосудия. Название вводило в заблуждение: работой DJD было вычищать собственные ряды от инакомыслящих и перебежчиков, чтобы затем убить их. Информация, предоставляемая Агентом 113, часто приводила автоботов к десептиконам, которые, будучи инакомыслящими или перебежчиками, хотели бы сдать своих бывших товарищей в обмен на спасение от расправы.

— У твоего друга очень забавный способ контакта, — сообщил Ферст Эйд, когда тремя днями ранее вышел на связь, и он был прав. В ужасе от вероятности быть обнаруженным, невероятно эксцентричный Агент 113 разработал уникальный способ пересылать свои сообщения. Вместо, скажем, полуночных рандеву на ступенях Комскианского Посольства, он ждал, пока DJD не атакует каких-нибудь автоботов, а затем выстреливал во «врага» пульей с защитой в ней информацией. Спрингер завербовал медиков во всех основных учреждениях, чтобы кто-то постоянно следил за весточками от Агента 113: единственное пулевое отверстие в правом «глазу» автоботского знака.

В своем последнем сообщении Агент 113 передавал об обеспокоенности среди DJD касательно того, что с Гарруса-9 не было никаких вестей с того момента, как автоботская тюрьма была захвачена Хищниками Скай Квейка на ранних стадиях Прорыва. DJD направили разведывательные силы для расследования. Они не вернулись.

Спрингер поделился этой информацией с Высшим Командованием, которое — основываясь на предыдущих сообщениях от Агента 113 — ранее заключило, что Г-9 был полностью уничтожен. Теперь же они столкнулись с вероятностью, что Фортресс Максимус и компания не только пережили Прорыв, но и давали отпор десептиконам в ожидании спасения. Все это привело к тому, что Праул связался со Спрингером для обсуждения планов по *Операции: Возврат*.

Спрингер предпочел бы более вдохновляющее название, но для Праула было типичным выбрать что-то беспристрастное и отстраненное. Форт Макс и его команда не нуждались в «возврате», они нуждались в спасении. Тем не менее, отбросив название в сторону, *Операция: Возврат* была причиной, по которой он делал то, что до него делали Импактор, и Крест, и Гиперион: смотрел на имена на экране и решал, кто из них вступит в ряды Врекеров.

Газзл никогда прежде не держал Матрицу.

Предмет в его руках был идеального веса: достаточно увесистый, чтобы быть заметным, чтобы напрячь силовые тросы в его предплечье, но легкий для переноски. Отличный размер: компактный, но достаточно большой, чтобы заставить десептиконов остановиться на месте. Но лучше всего было то, как он ощущался, совершенное единство рукояти и захвата, он пел в его руках.

Газзл никогда прежде не держал Матрицу и, пожалуй, никогда бы не

подержал и в будущем, но она наверняка бы не ощущалась столь же убедительно, столь же фундаментально правильно, как ощущался поднятый им Судья, его любимая пушка.

Последнее время он жил скитальцем, примыкая к случайным автоботским отрядами в надежде вновь поймать чувство общности, которое он ощущал, служа в своем старом взводе. Он решил помочь Дипстику с проектом реконструкции пока он не найдет что-то получше, что бы соответствовало его талантам (эти таланты главным образом состояли в способности помещать различные смертоносные снаряды в различных смертоносных десептиконов). И хотя пока что волнение ближнего боя не опустошило его полностью, этот наименее склонный к размышлениям робот с некоторых пор заметил некоторую... пустоту в себе. Его первой реакцией, разумеется, было обратиться за медпомощью. Фиксит провел на нем полное сканирование корпуса и, не обнаружив никаких полостей, предположил, что ощущение пустоты было не ранним симптомом Corrodia Gravis, но «эмоциональной реакцией». Газзл долго размышлял над этим, пока укол острого неудовольствия не возвестил пришествие *истинного* понимания: он скорбел. Большинство из его старого взвода погибло, пытаясь спасти Капа, и он до сих с трудом мирился с их смертью, как и с обстоятельствами, ее окружавшими.

Его новая жизнь в Игью Мур — топливном хранилище на окраине Бабу Яр — теперь текла в успокаивающем ритме. Каждый день, за несколько часов до восхода он и Судья отправлялись наружу пострелять по статуям. Если он и почувствовал хотя бы проблеск вины, когда впервые начал использовать останки Священного Зала Совета как стрелковый полигон, он не опознал его как таковой.

Он зарядил пригоршню трассирующих пуль в свою пушку и огляделся в поисках сегодняшней первой цели. Он нашел ее на статуе Бабу Фоста, Великого Пацифиста: шрам на лбу. Он выдвинул зеленый нацеливающий визор поверх оптики и уже начал нажимать триггер, когда случилось немыслимое: он остановился. Это ужаснуло его; он всегда доводил выстрел до конца. Он подумал, может, его натруженный указательный палец заклинило, но нет, Фиксит только на прошлой неделе выдал ему новые пальцы. Что означало, что это было что-то совершенно иное: еще одно «предчувствие». Что-то, как он сознавал, связанное с его судьбой.

К счастью, момент быстро прошел, и он почувствовал себя достаточно спокойно, чтобы разрядить полный магазин трассирующих снарядов в голову Великого Пацифиста.

По какой-то причине светящиеся зеленые следы трассёров не исчезли. Вместо этого они парили над полом Священного Зала Совета и начали

собираться воедино. Они начали переливаться. Затем пульсировать. Потом мерцать.

Судья выскользнул из новых пальцев Газзла.

Айронфист был в безопасности в утробе своей мастерской. Она была маленькой, да, и пропахла кордитом и хладагентом, но это был дом. Верстак посреди комнаты, изношенный, но любимый, сверкал, словно коричневый сахар под светофильтром.

Мастерская также служила музеем вещей, принадлежавших Врекерам. Главным экспонатом, постоянно на виду, был воздушный скутер Импактора. Над входом располагался палаш, которым Спрингер лишил оружия (и руки) Саундвейва. На стене было укреплено зернистое изображение Рэка, сделанное за два часа до операции, спасшей обе жизни. Но лучше всего было кое-что, чего случайный гость никогда не замечал: если вы трансформируете верстак в командное кресло и передвинете несколько мониторов, мастерская становилась очень похожа на мостик бывшего корабля Врекеров, «Ксантиума».

Айронфист сидел перед своим компьютером и изучал изображение, которое к настоящему моменту было ему так же знакомо, как свои пять пальцев: схематический план его собственной головы. Каждая плата и каждый наноклапан были на виду, каждый силовой кабель и привод ясно показан. И там, ближе к центру черепа, лежало его собственное Запретное: cerebro-чувствительная пуля. Каждый раз, когда этот зловеший захватчик присваивал себе очередную часть его головы, он отключался. Его первой мыслью после пробуждения всегда было «Я жив!». Его второй мыслью всегда было «Я мертв». Потому что пуля — чертова пуля — все еще подбиралась ближе к своей цели.

Трое знали об инциденте: Кроссхейрс, который десять месяцев назад обнаружил его на полу в мастерской, с cerebro-пистолетом в дюймах от его раскрытой руки; Капут, хирург, заключивший — черезчур быстро на взгляд Айронфиста — что невозможно безопасно извлечь пулю; и Скайфол — несчастный Скайфол — которому он обо всем рассказал во Внешних Комнатах, и который очень трогательно попросил разрешения лично разодрать cerebro-пистолет на куски.

Айронфист знал, что ему повезло остаться в живых. Если бы прототип пули был в более поздней стадии, все было бы по-другому. Стремясь извлечь максимум из оставшихся ему дней, он намеревался передать свою мастерскую

Скайфолу — сдержав, таким образом, обещание, которое он дал, когда они оба только прибыли на Кимию — и отправиться в свое первое и последнее приключение. Он решил задержаться и усовершенствовать cerebro-пули по одной простой причине: так он получал власть над ними. Это значило, что *он* контролирует *их*, и никак не наоборот.

Скайфол был в отчаянии от нежелания Айронфиста действовать, говоря, что ему надо проверить свою голову.

Айронфист мысленно улыбнулся способности своего друга к неловким выражениям. Они повстречались в Марганцевых горах и были в ту пору в равных званиях. У них был разный стиль работы: Айронфист был нетороплив и методичен, рад тестировать и подправлять, пока все не вставало точно на свои места, тогда как Скайфол был полной противоположностью. В те дни успех одного прищпоривал другого. Айронфист вышел честным победителем, когда разработал ионный бластер, способный прожечь носовой обтекатель десептиконского истребителя с расстояния в тридцать миль. Но, хотя он передавал его Оптимусу Прайму лично в руки, Оптимус — отвлеченный сообщением об атаке на колонну беженцев на Нейтральных Территориях — позже сказал младшим офицерам, что за разработкой стоял Скайфол. Тот же, в свою очередь, хранил молчание из страха смутить Прайма.

Хотя Скайфол получил целый ряд специальных заказов в результате истории с бластером, именно Айронфист позже вошел в историю, изобретая холодный фосфекс, химическое вещество, делавшее все, с чем вступало в контакт, таким же хрупким, как стекло. Скайфол шутил, что Айронфист «украл» у него молекулярное исследование, которое он забросил годами ранее. На следующий день Скайфол оказался среди попавших в засаду на окраине Яссианских Территорий. Он попал в печально известный Гриндкорский лагерь для военнопленных и встретился с Айронфистом лишь после своего побега оттуда, сто лет спустя. Вскоре после этого Айронфисту предложили место в престижном комплексе Кимии, в котором очередь на мастерскую достигала 60 лет. Айронфист согласился с условием, что Скайфол, который все еще приспособлялся к жизни вне Гриндкора, отправится вместе с ним.

Чувствуя, что Скайфол не рад жизни в производственном отделе Кимии, Айронфист разрешил ему пользоваться оборудованием в своей мастерской. Результатом стал черный фосфекс, более мощная версия оригинала. Позже выяснилось, что Скайфол пропустил несколько стадий процесса тестирования, спеша увидеть его в полевом испытании. Результат: четырнадцать автоботов, находившихся на маневрах возле Горлам Прайм, оказались не защищены, когда оружие, заряженное черным фосфексом, превратилось в пыль прямо у них в руках. Скайфол был отправлен на Гаррус-9 — не как заключенный, а как

охранник. «Принудительная смена профессии,» как выразился тогда Праул.

Скайфол провел на Г-9 несколько лет. Один раз, к лютой зависти Айронфиста, ему даже довелось помочь Врекерам предотвратить побег. Айронфист неустанно добивался, чтобы его друга вновь перевели на Кимию. В полной мере демонстрируя невезение, которое свойственное его карьере, Скайфол вернулся как раз вовремя, чтобы увязнуть в Следствии Магнуса.

Айронфист коснулся шрама у себя на лбу. Иногда, когда ему становилось тошно от хождения по лезвию ножа, он думал о том, чтобы надавить. И то, что останавливало его, была не мысль о Скайфоле, сломленном горем, или о незаконченной работе в лаборатории. Нет, что останавливало его — останавливало каждый раз — так это мысль о работе с гарпуном вместо руки.

— Давайте, все, ну же! Да здравствует Роторсторм!

Лэндфил глянул вверх на робота, которого несли на плечах его восторженные солдаты.

— Ээ, извините меня, командир... но разве это не нам положено говорить?

— Что, «Да здравствует»? А, не будь таким консервативным.

Он улыбнулся. Битва за Караши Дельта была окончена, и автоботы, в значительной степени благодаря его стратегическому мастерству и блестящей летной технике, победили.

— Опустите меня, — сказал он вскоре. — Мне надо размять лопасти.

Секунды спустя он уже летел через Каньоны Моробиши, наслаждаясь уединением. Вдали от его солдат не было давления необходимости играть и впечатлять. Кроме того, избегая взбегая воздушных маневров, которые сделали его знаменитым, он мог не думать о Джетстриме. Во всяком случае, такова была идея; на деле же его инструктор из Иаконской Летной Академии никогда не покидал его мыслей надолго.

Джетстрим научил его осознавать собственную врожденную бесполезность. При других кадетах он всегда был благожелателен, но наедине он отчитывал его за показуху и высказывание идей, до которых он не дорос.

— Думаешь, ты такой особенный? — говорил он. — Думаешь, ты лучше других, лучше меня, потому что можешь выкинуть пару трюков? В хороший день — в твой лучший день — я скажу, что ты был лишь заурядностью.

Единственным ответом Роторсторма на оскорбления Джетстрима было отшучивание. Если можно не воспринимать ситуацию всерьез, считал он, значит, все не так плохо, как кажется.

Со временем словесные нападки Джетстрима... развились. Один раз он вжал Роторсторма в стену. Другой раз сбил с ног. В скором времени он оказался жертвой регулярных и совершенно не спровоцированных побоев.

Худшим днем в жизни Роторсторма — хуже, чем день, когда была объявлена война; хуже, чем день Резни на Симанзи — был день, когда ИЛА установила Криогенную Восстановительную Камеру. Он не мог вспомнить, что сделал, чем заслужил избиение той ночью, но пока он лежал на полу самолетного ангара, корпус покрыт свежими вмятинами, спинные стойки выгнуты под прямым углом, лицо превратилось в неглубокую вмятину, полную масла и осколков, он видел то, что никогда не забудет: Джетстрим, стоящий над ним со сжатыми кулаками и вскинутой головой, невозмутимо оценивающий свои действия. И веселье на его лице, когда он прикидывал, куда нанести следующий удар.

Роторсторм отключился, пока Джетстрим запихивал его в КВ Камеру. Он очнулся на следующий день без единой царапины на теле. Джетстрима к тому моменту уже не было: он перевелся в учебный центр в другой провинции, а спустя некоторое время сменил имя. После этого Роторсторм видел его лишь однажды: он сидел в переднем ряду, когда Роторсторм награждался Медалью за Выдающуюся Доблесть, и он аплодировал и приветствовал его громче, чем кто-либо другой.

Роторсторм очнулся от воспоминаний, заметив что-то впереди: движение на вершине каньона. Когда он подобрался поближе, он осознал, сразу же, что это было. Он запаниковал. Он бросился бежать. Он выгнал свои двигатели на максимальные обороты и помчался прочь от каньона, вздымая в воздух пыль за собой, и сбавил скорость только когда добрался до открытого пространства. Изнуренный, он трансформировался и прислонился к скале, обхватив голову руками. Когда он поднял взгляд, оно снова было там — Шиммер — прямо перед ним. Закричав, он открыл огонь.

Вот и все. Он сделал это. Четыре имени из двенадцати. И это было непросто.

— Вы бы сказали мне спасибо, если бы знали, — произнес Спрингер вслух, просматривая восемь имен, которые он отсеял. Ему было интересно, сколько раз Импактор пропускал его собственное имя, пока наконец не решил, что в команде есть место для молодого идеалиста с широкой грудью и лишним альтмодом в запасе.

Тогда единственная вещь, о которой ты не спрашивал, когда присоединялся к Врекерам, единственный вопрос, тяжело висевший в воздухе, но не называемый, был: «Кого я заменил?» Все знали, один прибыл — один выбыл, но списки личного состава Врекеров были окутаны секретностью, и с таким количеством недокументированных миссий было нелегко вычислить личность своего предшественника.

В нынешнее время, слава богу, это было не настолько обыденным, было больше ротации кадров. В этом конкретном случае четверо новичков должны были заменить Родбастера, все еще занятого тем делом со Искрожором; Вирля, от которого последнее время было больше проблем (хотя Спрингер сочувствовал его тяжелому положению); Сэндсторма, который — если вообще был жив — был глубоко в тылу врага; и Бродсайда, который теперь был едва ли не окончательно потерян для них.

Тем не менее, это был не тот случай, когда резервиста просят помочь, пока один из крутых парней не вернется в строй. Нет, коль уж ты становился Врекером, то навсегда. Ты оставлял прошлую жизнь позади. Без возврата, без выхода.

По опыту Спрингера, ты прекращал быть Врекером по одной из трех причин: смерть, постыдная ссылка, или сумасшествие. Первая, которая также была наиболее распространенной, была, пожалуй, лучшим способом уйти. Что касается второй, тут был первопроходцем сам основоположник Врекеров. Что же касается третьей... что ж, третья была худшим способом уйти. Психологикам вроде Ранга пришлось разработать совершенно новый словарь — Врекоро-центричный лексикон — чтобы лучше описать суть безумия, с кусанием рук и выдираньем глаз, так часто знаменовавшего конец карьеры Врекера. И слишком часто симптомы не замечались, и безумие диагностировалось слишком поздно. Спрингер никогда не забудет, как обнаружил предшественника Сэндсторма, Блокера, обычно уравновешенного автобота, стоящим над телом своего лучшего друга и спокойно вырезающим его все еще подергивающуюся шестерню трансформации.

Он не мог не задаваться вопросом, которая из «трех С» случится с

четырьмя автоботами, которых он собирался пригласить в сообщество; и которая в итоге случится с ним, если уж на то пошло.

Он проверил список еще раз, перечитал записи о четырех роботах из досье и принял окончательное решение. Воздушный стратег, солдат, полевой командир и эксперт по вооружению. То, что нужно. Он пробежался по клавиатуре и отправил свои рекомендации Праулу для заключительного утверждения, что ненавидел делать, но что, как он знал, было простой формальностью. Как только Праул даст зеленый свет, можно будет созвать совещание существующих Врекеров для голосования. Пока он ждал ответа от Праула — тот обычно реагировал на подобные вещи в течение нескольких секунд — он посмотрел на четыре имени на экране снова.

Роторсторм, Газзл, Пайро и Скайфол.

На экране возник Праул.

— Спрингер? Насчет твоего выбора. Нам надо поговорить.

Скайфол профланировал в мастерскую и упал в кресло напротив Айронфиста, работающего за своим компьютером.

— Сижу я, значит, во Внешних Комнатах, и как ты думаешь, что? Я подслушал группу Брейнсторма, разговаривающую о даталоге 330.

Айронфист прекратил печатать.

— Правда? И что?

— Им нравится! Они пытались вычислить, кто же такой «Физитрон». Я подумал, хорошо, что кроме меня к тебе никто никогда не заглядывает, иначе твой секрет давно бы раскрыли.

— Но им понравилось.

— О, это точно. В смысле, у них есть несколько замечаний. Сущие мелочи. Но в целом им правда понравилось.

— Я рад, что его хорошо приняли, — сказал Айронфист, возвращаясь к клавиатуре.

— Например, один из них... как его звать? Атомайзер? Атомайзер сказал,

что ты — в смысле, Физитрон — пишет так, словно забрался Врекером в головы. Знаешь, все эти личные внутренние монологи? Ты мне как-то сказал, что это такой прием, и мне оно нравится. Я это понимаю. Но Атомайзер сказал, что это «умалляет мощный документальный источник».

Айронфист прекратил попытки печатать и взглянул на своего друга.

— Что ж, Физитрон никогда не позиционировал себя как строгий историк. Он скорее хроникер...

— ...и драматург, да, ты говорил. Я уже почти хотел сказать это тем ребятам. Но они к тому моменту уже начали цитировать все эти физитронизмы.

— Физи-что?

— Ну знаешь, все эти фразы, которые ты часто используешь. «Все кончено, финиш!» — вот один. «Конец дороги» тоже частенько всплывает, вроде бы.

— Ну, может быть, Атомайзеру стоит самому попытаться написать 330 даталогов и не повториться.

— В общем, потом Сверв назвал Физитрона аг... агно... как называется писатель, который идеализирует свои сюжеты?

— Агиограф. Сверв назвал меня агиографом.

— Точно! Он сказал, что даталоги словно... что же за слово он использовал? Ах да, «фан-фикшн». Я знаю! Вообще не в тему. Но не волнуйся, потому что Трипвайр сказал, что загрузка *Врекер*: *Рассекречено* была прямо лучиком света за весь рабочий цикл. Даже несмотря на...

Скайфол умолк, улыбаясь про себя.

— Не смотря на что?

— Да ничего, ничего. Это просто что-то про стилистику. Слушай, мне правда нравится, как ты пишешь.

— Что они сказали, Скайфол? Я знаю, что ты пытаешься защитить меня от подобных вещей, но я достаточно взрослый, чтобы принять критику.

— Наречия, — сказал Скайфол, покачав головой подобной нелепости. — Знаешь, куски вроде «Эта война должна была закончиться эоны назад, — горестно сказал Спрингер». Или «Тебе придется не рассчитывать на Врекер в Операции: Вулкан, — грозно сказал Импактор».

Айронфист посмотрел на первый черновик даталога 331. Каждое второе слово оканчивалось на -но. Он потянулся к клавише удаления и вызывал другой документ, над которым работал: Неофициальное Руководство по Обучению Врекеров. Он начал печатать.

— Докуда ты добрался, кстати говоря? В даталогах.

— Я? — Скайфол нахмурился. — Ээ... 113. Который про Пову. Впереди еще целый миллион. Я медленно читаю.

— Ты бы просто загрузил их непосредственно в свой невральный процессор. Сохранил бы массу времени.

— Да, но запулять их прямо в голову кажется жульничеством. К тому же, так я не смог бы замечать опечатки.

Айронфист поднялся.

— Ты что-то еще хотел?

— Не. Мне просто скучно... Когда ты собираешься написать о том, как Врекеры подавили то тюремное восстание на Г-9 пару лет назад? Я там был! Ты мог бы выстроить историю, основываясь на качественном источнике из первых рук вместо всех этих сомнительных досье, что присылает Высшее Командование.

— Даталог 332, может быть. Сейчас мне надо упаковать все cerebro-пистолеты. Ты мог бы помочь, если хочешь.

Скайфол устремился к двери.

— Спасибо за предложение, приятель, но мне надо... ну, знаешь. Всякое. Всякое, которое я делаю весь день.

Снова один, Айронфист начал разбирать cerebro-пушку. Он был прерван звуком, который не слышал годами: вызов коммуникатора. Он взглянул вверх и сказал,

— Принять.

На экране появилось лицо Праула.

— Спасибо, что ответил на мой вызов, Айронфист. Или мне следует называть тебя «Физитрон»?

Спрингер ответил на рукопожатие Капа объятием.

— Давненько ты не навещал Дебрис, — улыбнулся он.

Кап вынул сайгар изо рта и оглядел своего протеже с ног до головы.

— Что-то с тобой не то, парень... А! Ты *отполировался*. И это может значить только одно: новички. Кто-то, кого я знаю?

— Трех из них ты точно знаешь. А четвертый... ну, между нами говоря, это не мой первоначальный выбор.

Кап уселся за совещательный стол.

— Не дотягивает до уровня, м? Или это твоя совесть вдруг взяла над тобой верх?

— Если только моя совесть не выглядит и звучит как Праул, — Спрингер отодвинул кресло. — Он отверг мой выбор. Скайфол. Ты знаешь, оружейник.

— Придумал Прайму его палку-стрелялку. И эту хрень, черный песпекс.

— Фосфекс. Но он уже искупил вину, насколько я знаю. Хорошо потрудились на Г-9. Сумел впечатлить меня. Я подумал, что он заслужил второй шанс.

— Хм. Гаррус-9 и второй шанс. Не часто увидишь их вместе.

Спрингер бросил на него быстрый взгляд.

— В общем, Праул сказал мне, что Скайфол не вписывается в наши стандарты. Сказал, что хочет «десантировать нам кое-кого» — я знаю, но он действительно так и сказал. Похоже, он может лично поручиться за эту замену.

— Один из дружков Праула, а? Спорю, он забавный. Небось какой-нибудь калькулятор на ножках. Черт возьми, это же не Калькулус, да? — Кап прикусил сайгар. — Черт, почему бы ему просто не взять на себя командование всей миссией? Ты можешь себе это представить? Два года пройдет, пока вы соберетесь. Парень не может себя от стула отдрать, не убедившись, что это не нарушит какой-нибудь закон, который он склепал прошлой ночью. Слушай, я тебе не рассказывал, как я с ним и Гелиоботами проводил облаву на Смертельный Исход? Знаешь, тот десептиконский исследователь дальнего космоса, на котором Виолейтор с командой? Мы там всех арестовали, и Праул требует зачитать Виолейтору список обвинений. Не просто преступления, а все части Тайрестского Соглашения, которые он нарушил. Целиком. Я тебе не

рассказывал?

— Нет, продолжай.

— Это был бесконечно. Представь только. Двое их, каждый на своей стороне стола, Виолейтор прикован к полу, Праул делает этот голос, как когда он тебя отчитывает. Под конец второго дня Виолейтор не мог это больше переносить. Он буквально умолял, чтоб его побили. Все, что угодно, только бы прервать эту нудятину. Праулу хоть бы хны. Он начал цитировать Кибертронское Право — в оригинальном Иаконском программном коде. В середине третьего дня у Виолейтора оптика потекла по лицу.

— Да ладно.

— Ага. Самоубийство. Щелкнул собственный выключатель. Праул зацитировал его до смерти.

— Это, — сказал Спрингер, качая головой, — лучшая история из всех, что я слышал.

Кап откинулся в кресле — миссия выполнена.

— Ну, об этих его «просьбах».

— Ты был одной из них.

— Я? Что я сделал, что насолил ему, кроме того, что еще жив?»

Над дверью, ведущей на командную палубу, мигнул огонек.

— Он хочет, чтобы и ты, и Персептор участвовали в миссии, — сказал Спрингер и поднял руку, не давая Капу перебить. — Ты знаешь, я был бы рад, если бы ты сражался вместе с Врекерами на полную ставку, так что мое согласие не было проблемой. Почему он хочет, чтобы и Персептор отправился с нами, я не знаю.

— Мне нравится этот парень, но мне он нравился больше до того, как он стал весь такой... — Кап принялся стрелять по воображаемым целям из своих пальцев.

— До того, как он стал Врекером, ты хочешь сказать, — Спрингер поднялся, чтобы открыть дверь. — Это все равно странно. Я спросил Праула, почему он хочет там вас обоих, и он сказал, что вы его план Б.

— Хей, а мне нравится эта причина. Это, черт побери, отличная причина. Когда все летит к чертям, зови Врекеро́в. А когда и их перебьют... зови меня.

Твин Твист стоял в коридоре в режиме бурильщика, завывая двигателем.

— Это он так показывает тебе, что ему уже надоело ждать, — сказал Топспин, переступая Твин Твиста и заходя в совещательную комнату. За ним следовал Персептор.

Голосование не заняло много времени. Спрингер не упоминал Скайфола или вмешательство Праула, хоть и заметил, что Топспин был озадачен тем, что они могли выбраковать только трех кандидатов, но не четвертого.

— Все есть, как есть, — сказал Спрингер, направляясь в лабораторию вместе с Капом. — Я пойду передам новичкам хорошие новости.

Персептор повернулся к Твин Твисту и Топспину.

— Как я и говорил, это называется замещенным восприятием. И это может очень сильно изменить ваши жизни.

Он был один в своей мастерской, убирался в ней.

Нет, не убирался: избавлялся. Избавлялся навсегда. Праул сказал ему, что Спрингер, сейчас базировавшийся на Делфи, будет на связи, но не был уверен, когда именно. Пока что Айронфист буквально приводил свой дом в порядок перед переездом нового жильца — конечно, он не сказал Скайфолу о звонке Праула. Он бы никому не сказал об этом, пока не уверился, что это действительно происходит; что просьба Праула стать Врекером не была аудио-визуальной галлюцинацией, порожденной его лихорадочным дефектным мозгом.

Разумеется, стать Врекером было только частью истории. Здесь было нечто большее, чем просто заскочить в седло бок о бок со своими героями и уехать в закат. Возможности подобного масштаба обычно подразумевали жертвы, думал он. Праул упомянул имя, Эквитас, описал невероятно навороченную систему охраны (которую Высшее Командование ныне считало выходящей за все пределы дозволенного, кстати говоря), и объяснил, что существуют определенные «ожидания» в том случае, если он примет приглашение. Айронфист попросил дать ему время на размышление, на что ему ответили, что времени нет, и Спрингер в данный момент готов определить состав команды.

Он взглянул на один из многих спящих мониторов и коснулся отражения

шрама у себя на лбу. Теперь это был больше, чем просто шрам: это был его билет, его возможность заработать вступление во Врекеры. Он по-прежнему ненавидел его.

— Тебе до меня не добраться, — произнес он тихо. — Я решу, когда мне умереть, не ты.

Он пришел к выводу, что куда предпочтительней было бы умереть так, как он сам решит, и тогда, когда он решит, нежели сдаться на волю капризного переменчивого случая. Если все пойдет по плану, он погибнет под теплым сиянием Колодца Искр. Он будет лежать на полу, окутанный светом, Спрингер будет держать его за руку. Остальные Врекеры — его новые лучшие друзья — потупят взгляд, в котором смешаются привязанность и, да, уважение. Так что, хотя на словах смерть, предложенная Праулом ужасала, она была предпочтительней альтернативе - по которой его экзальтированный мозговой модуль угаснет, чихнув ржавой пылью, а его тело останется пылиться на полу в мастерской.

И если и был голосок где-то сзади в его голове, который говорил, «Тебя используют. Не делай этого, не делай этого, не делай этого», этот голос был проигнорирован.

Айронфист заметил движение в отражении на экране монитора и обернулся, чтобы найти его источник. Вот он, перед воздушным скутером: аномалия в воздухе; визуальный отпечаток; мерцание. Оно увеличивалось в размере, заливая мастерскую зеленым светом по мере того, как становилось более определенным и отчетливым. Он потянулся, чтобы коснуться его, но в последний момент отдернул руку, внезапно испугавшись. Только когда Шиммер сформировался в определенный образ, Айронфист понял что — кого — он видит.

— Здравствуй, — сказал Спрингер.

Айронфист попытался заговорить, но волнение взяло над ним верх: его вокалайзер засбоил, заставляя его голос звучать, словно расстроенное радио. Он заметил, что Спрингер не отбрасывает тени, его ноги висят немного выше земли, а его жесты были медлительными и сглаженными. Это *голограмма*, подумал он. *Удаленная проекция*.

— Ты, должно быть, Айронфист. Ты знаешь, зачем я здесь. Время пришло.

Айронфист встал в полный рост.

— Я ждал этого момента всю свою жизнь, Спрингер, с тех самых пор, как

наблюдал прыжок Импактора со взорвавшегося воздушного мотоцикла на крышу Восианской Цитадели. Я помню мертвых десептиконов, вылетающих из окон на шестом этаже, затем на пятом, и на четвертом. Я помню, как он вышел через парадные двери, выстрелил гарпуном в низко летящий челнок и исчез в закате. С этого момента Врекеры стали одной из констант в моей скромной роли, моей тайной жизнью. Они говорили со мной. Я находил в них отклик. И да, Спрингер, я знаю, зачем ты здесь: ты здесь, чтобы попросить меня сражаться подле тебя. И мой ответ да. Тысячу раз да. Потому что, если это последний акт в печальной истории моей жизни, если это моя предсмертная песнь, то я могу утешиться, зная, что умру роботом, которым я всегда знал, мог бы быть.

Спрингер нахмурился и указал на свое горло.

— Извини, Айронфист, я ничего из этого не разобрал. Что-то не так с твоим вокалайзером. Звучит как расстроенное радио.

Айронфист трансформировался в транспортный режим и обратно, надеясь, что встряска вправит системы на место.

— Так лучше? — спросил он.

— Намного. Так, на чем мы? Ах да. Твое имя на вершине списка. Я обязан сообщить тебе, что по состоянию на 11-й Цикл 987 коэффициент выживаемости в рядах Врекеров составляет 42%.

— Ты уверен? У меня выходило 38%. Думаю, если посчитать Рэк «н Руина как одного робота... — Он заметил выражение на лице Спрингера. — Извините, сэр. Нервничаю. Можем начать разговор сначала?

— Ты можешь отказаться от этого предложения. Никаких вопросов. Что скажешь?

— Ответ — да. Он всегда был да.

— Отлично. Рапортуй Рангу для пре-оперативного обследования, затем встретиться с остальными новобранцами в Топливном Хранилище Игью Мур, на окраине Бабу Яр. 48 часов, Айронфист. Используй их мудро.

Спрингер нажал клавишу у себя на поясе.

— Хорошее у тебя тут местечко, — произнес он, оглядываясь, когда его изображение начало исчезать. — Напоминает мне... мостик на Ксантиуме.

Спрингер смотрел, как научная комната проступает обратно вокруг него, и взял коммуникуб, вызвав изображение Твин Твиста.

— Я закончил с вызовами, Твин Твист. Только Газзл отказался. Сказал, что у него есть еще кое-какие дела перед смертью.

Это было первое безрезультатное путешествие с тех пор, как он завалился к одному из парней Силверстрика на Гидрасе 5. Робот, о котором речь — Флэтпэк? — отключился от шока еще до того, как холопроекция успела сформироваться. Он быстренько убрался оттуда и убрал имя Флэт-что-то-там из списка кандидатов: тот, кого замыкает от вида зеленого огонька, не протянет и двух секунд с Врекерами.

— Газзл отказался? — спросил Твин Твист. — Тот же Газзл, который висит на второй линии? Он хочет поговорить с тобой насчет Капа. Не знаю, почему, босс, но, кажется, кто-то передумал...»

— Погоди. Погоди. Что ты только что сказал?

— Врекеры. Я в команде! Спрингер только что появился у меня в мастерской и — тебе не обязательно выглядеть настолько удивленным, Скайфол.

— Нет. Нет, я имею в виду... Врекеры! Это невозможно!

Он посмотрел внимательней.

— Я сказал невозможно? Я хотел сказать невероятно. Абсолютно невероятно.

— Я не думаю, что вернусь.

Скайфол положил руки на Айронфисту плечи и посмотрел ему прямо в глаза, словно собирался раскрыть ему величайшую вселенскую истину.

— Что будет с мастерской?

— Она твоя, — ответил Айронфист. — Обещание есть обещание.

— Ох... ух ты.

Скайфол принялся бегло касаться всех поверхностей, постукивать по мониторам и щелкать выключателями.

— Я часто представлял себя здесь, продолжающим твою работу. Ты же

будешь держать связь, так? Мы можем встречаться во Внешних Комнатах за кубом энгекса, как только твоя первая миссия будет позади, а? Не обязательно во Внешних Комнатах. Можно где угодно.

— Как я сказал, я не думаю, что вернусь.

Скайфол обернулся.

— Что ты сказал? Прости, дружище, я в облаках витаю. Где у тебя тут полевые модуляторы?

— Вон там, за витриной с гарпунными наконечниками. Слушай, дай мне пару часов и сможешь перевезти сюда свои вещи, идет?

— Конечно. Без проблем. Ух ты! Вот это день! — Скафол пожал Айронфисту руку. — Увидимся еще, Физ. Когда ты закончишь спасти мир, я хочу, что бы ты был на связи, понял? Обещаешь?

— Обещаю.

Айронфист дождался, когда его друг ушел, затем повернулся к двум идентичным кейсам, покоящимся на верстаке. В первом было оружие, над которым он мог продолжить работать во время долгого путешествия туда, куда бы ни собирались отправиться Врекеры. Во втором лежало все, связанное с проектом cerebro-пуль, включая прототип оружия, которое Брейнсторм оставил на его верстаке несколько часов ранее. Он собирался передать второй кейс Ксаарону.

Это было подходящее время для ухода. Кимии только что достигли новости о смерти еще одной жертвы Гидеонова Клея. Несмотря на новый корпус, робот по имени Флэттоп запоздало скончался от расплавления мозга, что свидетельствовало о том, что повреждения были буквально глубже, чем кто-либо мог предположить. Смерть Флэттопа снова бы вытащила на свет старые разговоры.

Он положил руку на первый кейс и посмотрел на второй. Его первая и единственная миссия с Врекерами. Его единственная возможность произвести впечатление. Нет сомнений, что у его новых сокомандников за спиной жизни, представлявшие собой одну огромную сплошную череду боев. А он? Что мог он предложить кроме Искры, которой можно было бы найти лучшее применение?

Он посмотрел на второй кейс, идентичный первому. Так легко перепутать их...

Звук заставил его вздрогнуть. Еще один вызов.

— Принять.

На экране возникло лицо.

— О, слава богу, я тебя застал, Айронфист. Есть кое-что, что тебе следует знать.

Крошечный челнок приземлился снаружи Топливного Хранилища Игью Мур. Айронфист распахнул фонарь кабины, сбросил на землю ручной кейс и заплечную световую пушку и вылез следом. Он просканировал пустынную строительную площадку и заметил одинокую фигуру, сидящую на основании крана, из-за спины у нее возвышалась колоссальная пулеметная турель.

Айронфист подошел к ней.

— Привет. Ты здесь...

— Жду отправления? Да. Я Газзл.

Робот поднялся на ноги и протянул свой пистолет.

— А это Судья.

— Приятно с вами обоими познакомиться, — сказал Айронфист, вращая пистолет у себя в руках. — Хмм. Высокоохлаждающие основные цилиндры, полурастяжимый фиксатор, смещенные амортизаторы... Зуб курка хорошо сделан. Держу пари, откат чертовски звонкий.

Он передал его обратно:

— Очень мило.

— Ты, значит, Айронфист. Ну, готов к самоубийственной миссии?

— Кто тебе сказал — Праул? Я думал, я должен держать это — а. погоди. Ты не буквально... В таком случае, Газзл, отвечаю на твой вопрос: нет, не думаю, что я готов.

— Я тоже. Поначалу не был уверен, соглашаться ли. А потом подумал «Да ладно, Газзл, это же шанс, выпадающий лишь раз в жизни».

Или в конце жизни, подумал Айронфист.

— Но ты же знал о Врекерах, так? До вызова.

Айронфист взвесил все «за» и «против» того, что собирался сказать, и послал все к черту.

— Я знаю о Врекерах больше, чем кто либо еще.

Он поднял длинную стальную трубу и вывел свое имя в пыли, расположив буквы по кругу.

— Я полагаю, ты читал *Врекеры: Рассекречено?*

— Скупрулезно. Этот парень, Физитрон, легенда.

— Он крайне польщен это слышать.

Газзл выглядел озадаченным.

— Извини?

— Физитрон.

Айронфист трубой указал на буквы.

— Ф. И. З... Нет?

— Я не догоняю, — произнес Газзл.

Айронфист медленно провел руками по своему лицу и посмотрел собеседнику в глаза.

— Это я. Я Физитрон.

— Ты Физитрон?! Ха! Твое имя — это анаграмма! — Он посерьезнел. — Это так задумано?

Они оба застыли, почувствовав дуло пистолета на своем затылке.

— Выстрел в голову с близкого расстояния... — произнес голос за ними. — Неприятный способ уйти из жизни.

Роторсторм сделал сальто над их головами, приземлился перед ними и убрал оружие.

— У нас тут что, Съезд Пушечного Мяса? Ну-ка, посмотрим... Газзла я узнаю по весьма спорной Аугментации Корпуса. Что значит, что ты должен быть Айронфистом. Оружейный специалист. С Кимии, да? Так далеко от передовой, насколько можно забраться, не сидя на ручках у Омеги Суприм.

Милый боевой шрам у тебя, ботаник. Что произошло? Споткнулся о гаечный ключ и стукнулся головой о верстак?

— Ты Роторсторм, — сказал Айронфист, поднимаясь.

— В точку! Как догадался? Видел, как мне вручали медаль? Может, видел хронику, которую выпустили недавно. *Роторсторм: Небесный Бог*.

— Вообще-то, по роторным лопастям, — произнес Айронфист. — Которые у тебя за спиной.

Роторсторм опустил руку на плечо Айронфиста и наклонился ближе.

— Ты мне нравишься, ботаник. Ты прям как я... только я не зануда с дыркой в голове.

— Эй, парни, гляньте-ка туда, — прошептал Газзл (и именно шепот, более чем что-то иное, привлек их внимание: все в Газзле говорило, что он перешел бы на шепот только в исключительном случае). — Скажи мне, Айронфист, это нормально, если Оптимус Прайм лично провожает новых Врекеров?

На отдалении, частично заслоненный дымом, стелющимся по строительной площадке, шла одинокая фигура, высокая и широкоплечая, с линией подбородка, приличествующей носителю Матрицы, и лицевой маской, сверкающей в лунном свете.

Айронфист достал свой дата-чип.

— Я так и знал, что надо отполировать турель, — произнес Газзл.

— Не спешите пока падать на колени, — ответил Роторсторм, коснувшись визора для увеличения масштаба. — Это не Оптимус... это самый запущенный случай *primus apothosis*, какой я только видел.

Отдаленная фигура помахала им рукой в приветствии.

— Бьюсь об заклад, с ним это постоянно происходит. Парень — ходячее разочарование.

Роторсторм шагнул вперед, когда новоприбывший приблизился на расстояние рукопожатия.

— Рад встрече. Меня зовут Роторсторм. — Он указал себе за плечо. — Потому что, ну... А, ладно. А ты, должно быть, Праймо — в смысле, Пайро.

— Это честь служить бок о бок с вами, — торжественно произнес Пайро.

— Только вместе, единые, мы сможем возвыситься над безумием этой нескончаемой войны и набраться мужества, решительности и стойкости, чтобы... чтобы...

Остальные стояли в ожидании.

— Чтобы... эм...

— Палить по десептиконам? — предложил Газзл.

— Что-то в этом духе.

Роторсторм потер подбородок.

— Знаешь, Пайро, твой голос мне кого-то напоминает. Он очень... звучный. Ты перепрограммировал свой вокалайзер?

— Нет, — соврал Пайро. — У меня от природы низкий голос.

Все четверо стояли в молчании на краю пустой строительной площадки: самовлюбленный нарцисс, одержимый фанат, эмоциональный калека и робот с программным расстройством. Одна и та же мысль пришла каждому в голову: Мне придется сражаться рядом с ними? Это будет кошмаром.

Шло время. Дым стелился по строительной площадке. Неизлечимо больной робот раз за разом поворачивал дата-чип между большим и указательным пальцами.

— Это твой челнок, Айронфист? — спросил Роторсторм в конце концов.

Он указал на блок машинерии, покоящийся на кокпите.

— Что это? Персептор тебе энергоновый паек собрал на случай, если проголодаешься?

— Это световая пушка.

— И что она делает, ослепляет тебя до смерти?

— Возможно, она испускает некий очищающий луч, — предположил Пайро. — Думаю, она соединена каким-то образом с Матрицей. Я чувствую связь.

— Это просто большая пушка, — сказал Айронфист. — Я просто думал, что «Световая пушка» звучит, ну, получше.

Газзл присел рядом с пушкой, словно собирался погладить ее.

— Она красивая. Тебе следует ею гордиться.

Слабый отблеск пробежал по визору Роторсторма.

— Э-эй... а не хотите размяться перед отправлением? Давайте, что плохого может случиться?

— Я за, — сказал Газл. — Но это само собой разумеется. Вообще-то, с этого момента считайте, я вообще на что угодно согласен.

— Отлично! — Роторсторм хлопнул в ладоши. — Видите? Быть в отряде самоубийц не так уж и плохо! Это не только смерть, смерть, смерть.

Он осмотрелся, прикидывая возможности строительной площадки как боевой арены.

— Лады, значит, вот такие правила. Никаких команд, никаких партнерств. Сражаемся поодиночке. Если «убиваешь» противника, он переходит на твою сторону, ясно? Игра продолжается, «пока все не...»

Он посмотрел на Пайро, ища помощи.

— Пока все не...

— Пока все не станут едины? — произнес Пайро, и пришел в недоумение, когда все начали смеяться.

Все четверо рассыпались в разные стороны: лучший среди автоботов воздушный боец; гениальный изобретатель стеклянного газа; преданный солдат, не сдающийся, не смотря на гибель своих лучших друзей; и робот, исчислявший собственную полезность в жизнях, которые смог уберечь. Одна и та же мысль пришла каждому в голову: *Мне придется сражаться рядом с ними? Это будет потрясающе.*

ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ.

— Я знаю, ты зол, Скайфол, но у Комитета не было выбора.

Скайфол подавил желание разбить экран кулаком.

— Но вы уже все забрали! Посмотрите! — Он отступил, чтобы Ксаарон мог видеть пустую мастерскую за ним. — Ничего не осталось!

— Мы распорядились конфисковать оружие, ничего более. Если ты считаешь, что что-либо из коллекционных предметов было взято, пожалуйста, обратись с этим к Персептору.

— Да плевать мне на этот хлам, — ответил Скайфол, сметая несколько гарпунных наконечников на пол. — Это не мое! Я хочу мое оружие назад, мое исследование! Я не могу так работать!

— Возможно, теперь ты осознаешь последствия отказа присутствовать на слушаниях, — сказал Ксаарон. — Проиигнорировав нас трижды, ты ясно дал понять, что считаешь Комитет помехой, чем-то, что стоит между тобой и полевым применением твоего оружия. Мы не можем более терпеть твое отношение. Очистка твоей мастерской была только первым шагом. Если ты не начнешь передавать вооружение на утверждение Комитету, ты потеряешь саму мастерскую.

Скайфол обхватил голову руками.

— Хорошо. Хорошо, простите. Слушание совершенно выпало у меня из головы. Назначьте новую дату, и я буду там, обещаю. Просто...

Он отвел взгляд.

— По правде говоря, Ксаарон, я скучаю по Айронфисту. Очень скучаю.

— Разумеется, — произнес Ксаарон более мягко. — Послушай, Скайфол, тебе необходимо собраться и следовать процедуре. Я понимаю, ты считаешь, что все эти правила не для тебя, но они существуют для твоего же блага. У меня все.

Скайфол прислонил голову к экрану. Его экрану, в его мастерской. Девять месяцев прошло, но чувство до сих пор было превосходным. Он подумал, не слишком ли рано для прогулки во Внешние Комнаты. Он мог бы найти Сверва и Атомайзера и хорошо провести время...

Он уже направлялся к двери, когда услышал слишком знакомый звук: вызов коммуникатора. Это еще кто? Брейнсторм, требующий вернуть Запретное, которое он позаимствовал для исследования (и которое, как и все остальное, было теперь конфисковано)? Или — хуже — Персептор с вопросами по поводу скандала во Внешних Комнатах прошлой ночью.

— Принять!

На экране появилось лицо.

— Здравствуй, Скайфол.

— Айронфист..!

— Если ты слушаешь эту запись, это может означать только одно: ты только что убил меня.

Скайфол повел рукой по воздуху позади себя, ища опору. Его рука нащупала воздушный скутер — тот же самый скутер, что был за спиной у Айронфиста на экране.

— Я мертв, Скайфол, потому что cerebro-пуля наконец добралась до моего мозга. Упертые штуки, эти пули. Просто не умеют сдаваться. Я не смог остановить ее, но смог добраться до ее бортового компьютера. Я собираюсь загрузить в нее это сообщение и установить ударный триггер, так что оно будет отправлено в мастерскую в момент, когда пуля найдет свою цель. Думаю, самому сообщению понадобится время, чтобы достичь тебя... Полагаю, все зависит от того, где я буду, когда ты меня убьешь. Потому что ведь это ты меня убьешь, не правда ли?

Айронфист поднял оригинальный cerebro-пистолет.

— Орудие убийства. После «инцидента» я попросил Брейнсторма проверить его еще раз. Помнишь? Он не спешил, но в итоге связался со мной. И знаешь что? Он сообщил мне, что пистолет был специально изменен так, чтобы выстрелил. Кто-то поигрался со спусковым механизмом, чтобы он сработал, когда пистолет окажется в определенном положении.

Скайфол подбежал к двери и запер ее.

— Ты, очевидно, ожидаешь визита от Службы Безопасности, — продолжил Айронфист. — Но подумай. Я записал это сообщение спустя минуты после того как мы попрощались. Если бы с тех пор я рассказал хоть кому-то о том, что ты со мной сделал, ты был бы уже на Г-9 и не слушал это. Так что не беспокойся. Я никому не рассказал, что только ты был в курсе моего исследования над cerebro-пулями, что только у тебя была возможность испортить спусковой механизм, что только у тебя были коды доступа. Может, стоит рассказать моим товарищам Врекерам, если я окончу свою миссию до того, как пуля окончит свою. По крайней мере, так или иначе правда выйдет наружу. Но посмотрим.

Скайфол расслабился. Если бы Айронфист что-то рассказал Спрингеру, они бы уже арестовали его. Он был в безопасности. Он дослушает Айронфиста в память о прежних временах, удалит сообщение и возьмет себе куб энгекса.

— Я просто пытаюсь понять твой мотив, — сказал Айронфист. — Извини, если следующий кусок слишком сырой, но у меня было всего несколько минут,

чтобы полностью пересмотреть наши отношения. Так вот, что насчет... профессиональной зависти? Ты ненавидел меня за то, что я разработал ионный бластер Прайма, хотя ты и получил все лавры. Или ты обижен на меня за холодный фосфекс. Помоги мне здесь. Имеет же робот право знать, за что его лучший друг убил его?

— Может, это Гриндкор. Ты присоединился к тому отряду из раздражения, не так ли? После того, как мы поспорили. Может быть, ты считаешь, что из-за меня ты потерял 100 лет своей жизни.

Он потер свой шрам.

— Знаешь, Скайфол, этот подарочек, что ты мне сделал, заставляет меня думать о совершенно безумных вещах. Потому что как раз сейчас я думаю о Гидеоновом клее. Магнус так и не смог доказать, что десептиконы создали Клей, основываясь на разработках, украденных с Кимии, но когда началось Следствие, он удивительно быстро протоптал дорожку ко мне. Возможно, кто-то пытался... как там говорят? подставить меня?

Я врал комиссии. Я отрицал, что знаю что либо о Гидеоновом Клее — или микропропилене, как я его называл — хотя это я ответственен за его создание. Также я ответственен за его уничтожение, как я считал. Еще до Бабу Яр и вышвырнул образцы в космос и уничтожил все свои исследования. Я был в ужасе от того, что создал. Я думал, что на том и покончил с ним. Но видимо кто-то близкий ко мне — кто-то с доступом в мастерскую — уже обнаружил мое исследование и передал его десептиконам. Я врал комиссии, потому что боялся, что они не поверят правде. И даже хуже: я скрыл улики. Во время Следствия я обнаружил образец Гидеонова Клея, который упустил, и я спрятал его.

Еще один образец? Скайфол удивился, как он мог не найти его.

— Но если это ты слил мои исследования десептиконам, Скафол, это значит, что ты не хотел меня убить. Ты только хотел убрать меня с дороги. И это заставляет меня думать, что все это... — Он указал на свой шрам. — Все это было для того, чтобы добраться до моей мастерской. Что ж, оглядись вокруг, «дружище». Надеюсь, оно того стоило.

Повисла пауза. Скайфол потянулся к экрану, готовый удалить сообщение.

— Я почти закончил, — произнес Айронфист, заставив Скафола остановиться. — Возможно, ты считаешь, что я, не рассказав все Персептору или Брейнсторму, решил обречь тебя на пожизненные муки совести. Проблема в том, что я не думаю, что ты знаешь, что такое совесть. Не думаю, что совесть — это твое.

— Нуу, что ж... — пробормотал Скайфол. — Что ты теперь-то сделаешь, когда мертв?

Он подпрыгнул, услышав, как кто-то ломится в его дверь.

— Скайфол? Это Охрана. Открывай.

Скайфол перебежал мастерскую, стащил воздушный скутер с основания и поволок его к двери, ругаясь про себя, пока Айронфист продолжал говорить.

— Я чуть не забыл сказать тебе, — произнес Айронфист. — Я запрограммировал терминал в мастерской так, чтобы он считал это сообщение одним из даталогов Физитрона. Что означает, что каждый мой подписчик получил эти слова прямым в свой невральный процессор. Ты говорил, что медленно читаешь, Скайфол. Ты также медленно слушаешь. Там снаружи около 4000 автоботов, которые прослушали это сообщение быстрее тебя.

— Открывай, Скайфол, или мы применим силу!

С большим трудом Скайфол швырнул воздушный скутер к двери. Тот погнулся при ударе, грохнулся на землю, и его обшивка лопнула. Тонкая стеклянная колба прокатилась по полу и оказалась у ног Скайфола.

— Я должен бы передать свои подозрения Высшему Командованию перед тем, как отправлюсь в Игью Мур, — сказал Айронфист. — Но боюсь, что Физитрн счел бы это слишком шаблонным способом завершить дела.

Скайфол посмотрел колбу на свет и изучил зеленую жидкость внутри. Она мерцала.

— Я думаю, что закончить эту печальную сагу из могилы было бы более убедительно, ты так не считаешь? В рамках повествования, я имею в виду. Потому что, ты помнишь, как я называл себя перед тем, как умер: хроникер...

— Это последнее предупреждение, Скайфол! Выходи из мастерской с поднятыми руками, и у тебя будет возможность ответить на обвинения Айронфиста.

— ... и драматург.

Скайфол подумал о Гаррусе-9. Он подумал о вещах, которые видел, и вещах, которые делал. Ни единого шанса, что он выживет по другую сторону решетки. Он сорвал пломбу с колбы и отстегнул лицевую маску.

— Если не возражаешь, — произнес Айронфист, — я бы хотел закончить одним из физитронизмов. Потому что знаешь, что? Прямо сейчас, для нас

обоих...

Скайфол запрокинул голову и выпил.

— Все кончено. Финиш.

Перевод **Anzzy**